

ПИСЬМА МИХАИЛА БЕСТУЖЕВА к М. Ф. РЕЙНЕКЕ (1856—1857)

Публикация и вступительная статья Б. И. Мусатова

«Наши декабристы 1825 г. страстно любили Россию», — писал Герцен. Высокое чувство патриотизма, приведшее их с оружием в руках на Сенатскую площадь, «чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабоплепия»¹, они пронесли через всю жизнь. Его не заглушили ни орудийные выстрелы 14 декабря 1825 г., ни глухое безмолвие Петропавловской крепости, ни кандалный звон в сибирских «каторжных норах». Оторванные от внешнего мира, декабристы продолжали на каторге и в ссылке служить народу: они развернули многостороннюю просветительскую и краеведческую деятельность.

Лучшие, образованнейшие люди своего времени, они стали исследователями «быта, нравов, языка, преданий, религии, песен населяющих Сибирь народов; они изучали ее климат, ее природу, ее растительный и животный мир; они вводили усовершенствования на ее заводах и на ее полях; они стали учителями, врачами, просветителями ее населения»².

Почетное место в истории культурного развития Сибири принадлежит Михаилу Александровичу Бестужеву (1800—1871). Моряк, писатель и ученый, М. А. Бестужев был одним из активных руководителей восстания 14 декабря. Незадолго до восстания он перешел из флота в лейб-гвардии Московский полк, где развил систематическую агитацию, готовя полк к революционному выступлению. 14 декабря он первым привел свою роту на Сенатскую площадь, весь день находился во главе Московского полка, мужественно руководил обороной, а когда солдаты, под огнем артиллерии, вынуждены были отступить — попытался восстановить военный строй и повести солдат по льду Невы на штурм Петропавловской крепости.

По приговору суда М. А. Бестужев был осужден на вечную каторгу, позже замененную ссылкой.

Три письма М. А. Бестужева, публикуемые ниже, извлечены из архива друга его юности — известного гидрографа, вице-адмирала М. Ф. Рейнеке. Относятся они к 1856—1857 гг. В них отражен духовный облик старого декабриста, не сломленного ни каторгой, ни ссылкой, ни лишениями: Михаил Бестужев интересуется событиями общественной и политической жизни, попрежнему полон глубокой веры в великое будущее родины.

Большую часть жизни Михаилу Бестужеву пришлось провести за Байкалом. В этом далеком краю он видел не только место каторги и ссылки, но и богатейшую область родной страны. Бестужев пытливо наблюдал начинающийся там подъем, изучая природные богатства, талящиеся в недрах Забайкалья, занимался акклиматизацией новых растений. Правительство не заботилось о том, чтобы заселить край, и отдавало полезные ископаемые на расхищение иностранным предпринимателям. Это возмущало Бестужева.

Упорно занимаясь самообразованием, увлекаясь механикой и практическим освоением разных ремесел, Михаил Бестужев еще в читинском каземате, вместе с декабристом К. П. Торсоном, разрабатывал усовершенствования, которые должны были облегчить труд кораблестроителей и матросов. Там же, в каземате, работал он над

гидравлическим паровым двигателем, позже вошедшим в употребление в Германии и в Америке. Поселившись в Селенгинске, Михаил Бестужев в числе других бытовых нововведений, полезных для обихода местных жителей, распространял изобретенный им экипаж—так называемый «сидейка»,—удобный для передвижения в горных местностях Забайкалья (этот экипаж сохранился в сибирском быту до сих пор). Михаил Бестужев с гордостью писал: «...теперь нет ни одной горной тропы, по которой бы самый бедный бурят не ездил на экипаже, который они называют бестужевкой» (письмо от 4 февраля 1857 г.).

В своих письмах Михаил Бестужев уделяет большое внимание перспективам будущего развития великой страны, вышедшей к Тихому океану. России предстояло освоить и заселить огромные районы Приамурья, открытые русскими землепроходцами в XVII в. Еще задолго до того, как Амур был закреплен за Россией, эти вопросы волновали многих декабристов; они одни из первых оценили громадное экономическое и стратегическое значение этого единственного крупного водного пути, соединяющего Восточную Сибирь с Тихим океаном. Пестель в «Русской правде» (гл. I, § 2) выдвинул требование, чтобы «все течение Амура, начиная от озера Далая, принадлежало России». Выход на восток, по мысли Пестеля, диктовался не только необходимостью «твердого установления государственной безопасности», но «больше бы доставил выгоды России и преимущества для ее торговли, а равно и для устройства флота на Восточном океане», улучшил бы состояние «восточных сибирских народов», при общении с которыми нужно «способствовать к смягчению суровых нравов и введению просвещения и образования».

Размышляли об Амуре и другие декабристы: В. И. Штейнгель еще в 1812 г. «имел случай <...> сообщить адмиралу Мордвинову свою мысль о возможности разведать Амур»³. М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев-Мамонов и Н. И. Тургенев в своем проекте преобразований предусматривали «построение гавани при устьи реки Амура»⁴. По словам В. Ф. Раевского, Амур был мечтой его юности⁵, а Д. И. Завалишин, возвращаясь в 1824 г. из Калифорнии через Сибирь, имел не только «намерение подняться по Амуру», чтобы исследовать его, но и составил проект, «закрывающий в себе занятие Амура и острова Сахалина»⁶.

Вопросы, связанные с Амуром, продолжали интересовать декабристов и в Сибири. Например, Завалишина, собравшего еще в каземате разносторонний материал об Амурском крае и составившего подробнейшую карту Забайкалья, Амур, как и прежде, интересовал с точки зрения его будущего освоения⁷.

Но особенно пристальное внимание обратили декабристы на Амур в последний период своей сибирской ссылки, в те годы, когда Англия, США и Франция начали закабалить Китай, а над русским Востоком нависла угроза английской экспансии. Именно с этими событиями связывают декабристы необходимость быстрее освоения Амура. «Я той веры, что на Амуре должен быть флот, и тогда Англия полатится китайскою и индийскою торговлею»⁸,— писал Штейнгель в 1854 г. в разгар переговоров западных держав с Китаем. Западные державы требовали открытия всей китайской территории для беспопынной торговли английскими товарами, требовали официального разрешения на ввоз в Китай опиума⁹. А Николай Бестужев, делиясь в начале Крымской войны с Завалишиным своим желанием «поколотить» англичан, «этих вероломных островитян, за их подлую политику во всех частях света», и предвидя их посягательства на русский Дальний Восток, писал, что «надобно поскорее занимать Сахалин и ближайшие к нему берега, а иначе англичане влезут к нам в карман»¹⁰.

Естественно, что первые шаги Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьева, предпринимаемые для разрешения амурской проблемы, вызвали в декабристской среде самый горячий отклик. Декабристы оказывали помощь участникам экспедиций и в оживленной переписке делились друг с другом радостями и сомнениями относительно амурских дел¹¹. Некоторые декабристы (Завалишин, Штейнгель, Торсон) стали постоянными советчиками Муравьева в его амурских начинаниях.

Одним из энтузиастов амурского дела был и М. А. Бестужев. Сторонник быстрого и решительного освоения Приамурья, открывавшего путь к Приморью, он мечтал о рас-

цвете края, о перенесении на Амур «деятельности русских моряков», о создании в его устьях «нового Севастополя». Едва только амнистия 1856 г. развязала руки М. А. Бестужеву, он сразу же принял деятельное участие в разрешении важнейшей задачи — необходимо было установить судоходство на Амуре: в условиях сибирского бездорожья на судоходство возлагались большие надежды. Имея ясное представление о рутинности бюрократического аппарата крепостнической России, М. А. Бестужев в частной

М. А. БЕСТУЖЕВ

Фотография, 1860-е гг.

Надпись внизу сделана А. Е. Розеном

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

инициативе видел средства к пробуждению края. Ему отвратительна была служба в «коммерческом мире» и «зависимость от золотых мешков»¹² и все-таки он принял предложение купеческой иркутской компании провести большой караван барж по Амуру до Николаевска.

Отправляясь в «длинный», опасный и многотрудный путь по Амуру, который в ту пору был еще мало исследован, Бестужев с горечью замечал, что чисто коммерческий характер поездки не даст ему времени на «более подробное изучение этой реки и ее жителей». Однако его амурский дневник¹³, а также путевые письма¹⁴, адресованные жене и сестрам, свидетельствуют о пытливости автора и разносторонних наблюдениях, сделанных им во время плавания.

Характеризуя эти материалы, входящие лишь в настоящее время в научный обзор, современный исследователь пишет, что они «являются ценнейшим свидетельством

об условиях, в которых происходили первые амурские сплавы <...> в них с большой художественной силой и выразительностью воссозданы картины величественной природы Забайкалья и берегов Амура». И в дневнике и в путевых письмах Бестужев выступил «в полной мере художником-бытописателем Забайкалья и Амурского края»¹⁵.

Поездка по Амуру дала Бестужеву возможность глубже понять и должным образом оценить методы, которыми разрешался амурский вопрос. Вернувшись весной 1858 г. в Селенгинск, он отправил своему другу — декабристу Штейнгелю целую серию писем «об Амуре», — обличительных и критикующих амурскую политику правительства. Сообщая Д. И. Завалишину о том, что эти письма, «ходя в Петербурге из рук в руки, наконец, попали в руки царя», Бестужев пишет, что он «этим обстоятельством доволен: во-первых, он в них не увидит противоречия твоим статьям, а во-вторых, и его я не пощадил, потому что, как ты ни обвиняй графа <Н. Н. Муравьева>, коренное зло есть половинные меры и недостаток энергии в высшем правительстве»¹⁶.

Значительное место в публикуемых письмах Бестужева занимает Крымская война. Война эта надолго приковала к себе внимание декабристов. Бессильные помочь защитникам родины, которые кровью расплачивались за ошибки Николая I и за бездарность его генералов, декабристы с тревогой ловили сведения о трагедии Севастополя, о действиях русских солдат на Дунае, Кавказе, Камчатке.

Не доверяя ни иностранцам, ни русским газетам, попадавшим в их руки, декабристы искали верных известий с поля брани. Встречи декабристов с участниками Камчатской обороны¹⁷ или долгожданные письма от адмирала Рейнеке, заключавшие «в себе множество интересных подробностей о Севастополе», были для них настоящими событиями.

Собирая и передавая известия с фронтов в места декабристских поселений, И. И. Пущин, М. И. Муравьев-Апостол и Якушкин образовали в Ялutorовске так называемый «стратегический пункт»¹⁸. Накануне смерти расспрашивал о Севастополе Николай Бестужев. А шестидесятисемилетний Волконский, как только началась осада героического города, требовал перевода на севастопольские бастионы простым солдатом¹⁹.

С жадностью ловил вести о ходе войны и М. А. Бестужев. В письме от 2 января 1855 г. он просил Рейнеке точно описать доблестные подвиги русских моряков, все подробности Сивнопского сражения. По его просьбе, Рейнеке прислал ему карты рейда и окрестностей Севастополя²⁰. Бестужев восхищался героической обороной Севастополя, вдохновляемой товарищами его юности — Нахимовым и Корниловым. «...каждый русский, и в особенности каждый моряк, должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед», — писал Михаил Бестужев. Веря в творческие силы русского народа, он был убежден, что «из пепла этого славного гнезда, вспрыснутого кровью стольких тысяч врагов и соотечичей, должен снова вырасти великий морской город».

* * *

Михаил Францевич Рейнеке (1801—16 апреля 1859), которому адресованы публикуемые здесь письма М. А. Бестужева, — основоположник русской гидрографии, академик, исследователь Белого моря, Лапландских берегов и Финского залива, — был одним из давних друзей М. А. и Н. А. Бестужевых. Он учился вместе с Михаилом Бестужевым в морском кадетском корпусе, а затем, встречаясь с ним в Петербурге и в Архангельске, тесно сблизился и со старшим братом его — Николаем. Однако общался Рейнеке с будущими декабристами только на почве научных интересов.

Дружеское расположение Рейнеке к Бестужевым сохранилось и после 1825 г., когда от «государственных преступников» отшатнулось большинство друзей. Позже Рейнеке писал в одном из писем к Бестужевым «мыслию часто, очень часто бываю я в дебрях Селенгинска, в гостях у друзей, мною уважаемых с детства»²¹. Он завязал с изгнанниками переписку, в которой попрежнему продолжал «толковать о предметах технических», о флоте, а в годы Крымской войны, находясь в Севастополе и Николаеве, сообщал им подробности военных операций. Переписка велась главным образом с Ни-

колаем, а после его смерти—с Михаилом Бестужевым, и Рейнеке очень дорожил ею. В неизданном его дневнике 25 декабря 1854 г. записано: «Сегодня, как будто подарок на елку, получил я два письма от Н. А. Бестужева из Селенгинска. Это порадовало меня <...> День занимался письмами к Н. А. Бестужеву»²².

Часть писем Рейнеке к М. А. и Н. А. Бестужевым хранится в ИРЛИ. Помимо того, что эти письма дают возможность судить о научных интересах ссыльных декабристов, они свидетельствуют и об огромной популярности М. А. Бестужева среди моряков — его бывших товарищей по морскому корпусу и сослуживцев. «Ваши письма прочел я в беседах с Влад. Пав. Романовым, Николою Пушкиным, Петром Лутковским и даже носатый Павел Подушкин нарочно пришел ко мне, чтобы узнать об Вас. А. Б. Озерский тоже просил меня прочесть предпоследнее письмо Ваше», — писал Рейнеке М. А. Бестужеву 13 мая 1856 г.²³ «Корнилов, — писал он 23 марта 1854 г. Н. А. Бестужеву, — вспоминает с удовольствием, как за 30 лет пред сим поручен он был Михаилу Александровичу и как тот заботился о нем — тогда юном мичмане, за это шлет он спасибо»²⁴.

Публикуемые письма М. А. Бестужева к Рейнеке хранятся в Центральном государственном архиве военно-морского флота СССР в Ленинграде (фонд М. Ф. Рейнеке, № 1166, оп. 1, д. 4).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. И. Герцен. Нашим врагам. — Герцен, т. XXI, стр. 207.

² Л. К. Чуковская. Декабристы—исследователи Сибири. М., 1951, стр. 24.

³ В. И. Штейнгель. Записки. — «Общественные движения», стр. 377.

⁴ Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 146.

⁵ См. настоящий том, стр. 168.

⁶ Завалишин, стр. 74, 90, 259.

⁷ По словам Завалишина, он еще в тридцатые-сороковые годы «приготовлял основания для разрешения амурского вопроса» (Завалишин, стр. 274). Сообщение Завалишина подтверждено документально. Так, например, А. К. Сиверс, один из помощников сенатора-ревизора Толстого, еще в 1844 г., то есть за четыре года до начала деятельности Н. Н. Муравьева в Восточной Сибири, ознакомившись с планами Завалишина по преобразованию края, писал ему: «Сообщенные мне сведения о преобразовании края, и для пользы самого края, и в видах приготовления к разрешению амурского вопроса я читал с живейшим вниманием» («Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири». Очерк, редактированный и изданный... В. П. Сукачевым. М., 1891, стр. 51).

⁸ См. также диссертацию Л. А. Соколовского «Декабристы в период сибирской ссылки и после „амнистии“ (1840—1860-е гг.)». М., 1954 (ЛБ).

⁹ «Летописи», стр. 385.

¹⁰ Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951, стр. 38—39.

¹¹ С. В. Максимов. Николай Александрович Бестужев. (По его письмам). — «Наблюдатель», 1883, № 3, стр. 112. Письмо датируется, по указанию С. В. Максимова, 11 марта 1854 г. Подлинник неизвестен.

¹² С. Марков. Ялutorовск — Амур — Камчатка. Декабристы в 1854 году. — «Омская область», 1940, № 2, стр. 67—72.

¹³ Бестужевы, стр. 438.

¹⁴ Не издано. — ИРЛИ, ф. № 604, ед. хр. 22; отдельные выдержки из него приведены в статье М. К. Азадовского (см. следующее прим.), стр. 215—216.

¹⁵ М. К. Азадовский. Путевые письма декабриста М. А. Бестужева (Забайкалье и Амур. Чита). — «Забайкалье», 1952, № 5, стр. 216—237.

¹⁶ Там же, стр. 216—237.

¹⁷ ГИМ, ф. № 250, ед. хр. 1, л. 99 об. Письмо М. А. Бестужева к Д. И. Завалишину от 17 сентября 1860 г. — В многочисленных статьях, посвященных амурскому вопросу и напечатанных в «Морском сборнике» и других изданиях, Завалишин всю вину за неудовлетворительный ход освоения Амура возлагал на Восточно-Сибирскую администрацию, на генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. — Письма М. А. Бестужева к В. И. Штейнгелю не сохранились.

¹⁸ С. Марков. Указ. соч.

¹⁹ «Летописи», стр. 99.

²⁰ Волконский, стр. 496.

²¹ ИРЛИ, ф. № 604, ед. хр. 16, лл. 133, 135—136.

²² Там же, л. 140. Письмо от 7 сентября 1855 г.

²³ ЦГАВМФ, ф. № 1166 (М. Ф. Рейнеке), ед. хр. 8, л. 113.

²⁴ ИРЛИ, ф. № 604, ед. хр. 16, л. 141.

²⁵ Там же, лл. 123 об. — 124 об.

Селенгинск. 1 января 1856 г.¹

Получив Ваше письмо, многоуважаемый Михаил Францевич, в последних днях истекавшего года, я отложил удовольствие ответа для того, чтоб начать новый год приятною беседою с Вами. Желая Вам всего лучшего, а главное — здоровья, столь необходимого Вам в теперешнем положении, как для того, чтоб Вы имели силы совершенно покончить многолетние, полезные Ваши занятия, так и для преодоления новых трудов, предстоящих Вам по управлению новых должностей, вверенных правительством Вашей опытности и попечению².

Севастополь пал, но пал с такою славой, что каждый русский, и в особенности каждый моряк, должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед. К сожалению, подобная слава не покупается дешево: Россия потеряла трех героев, черноморские моряки — трех славных адмиралов, Вы — одного из друзей, а я — двух товарищей моей юности³.

С П. С. Нахимовым я был дружен еще бывший кадетом, когда его и мой брат были корпусными офицерами. Впоследствии судьба нас свела в Архангельске, кажется в то же время, когда и Вы там были, а это были самые счастливейшие дни моей юности⁴. Время быстро летело в дружеских беседах с ним, в занятиях по службе и приятных развлечениях, какими был так обилён в то время город Архангельск, как Вы это сами, вероятно, помните. Я живо помню бал в клубе и потом ужин. Там мы танцевали и пировали с ним в последний раз. Я пошел на «Крейсере» в Кронштадт, а он был вызван М. П. Лазаревым для кругосветного путешествия.

С почтенным семейством В. А. Корнилова я познакомился по возвращении из Архангельска, через Фандер-Флита, бывшего вице-губернатора в Архангельске, в доме которого я был принят как родной, и на дочери которого был женат М. П. Лазарев. Я уже был лейтенантом, когда В. А. Корнилов вышел из корпуса на службу и нежно любящая его мать просила меня не оставлять сына ее добрыми советами. Но судьба решила иначе. Милый наш Володя (как мы его все называли) отправился в кругосветный вояж⁵, а я перешел в гвардию, где служил в одном батальоне со старшим его братом, благородным, умным Александром Алексеевичем.

Ближайшим знакомством с Михаилом Петровичем Лазаревым⁶ я обязан моему экзамену в лейтенанты: он был моим экзаминатором. До самой последней минуты, когда он на фрегате «Крейсер» отправился к берегам Охотского моря, я, пользуясь его ласковым приглашением, наслаждался его умною, поучительною беседою, тем более для меня ценною, что сам, точно так же как и он, страстно любил море. В то время мы с К. П. Торсоном приводили к окончанию «новые штаты» для вооружения и внутренних перемещений кораблей, и советы М(ихаила) Петровича, его замечания и верность взгляда на все, касающееся до корабля, были драгоценны⁷. Со своей стороны и он, никогда не упускавший случая заставить молодого офицера высказывать свои мнения, требовал от меня подробностей, относящихся до фрегата «Крейсера», на котором я прибыл из Архангельска и исправлял должность вахтенного офицера и который он в то время исправлял заново для кругосветного похода.

Из этого Вы можете заключить, добрый, старый друг наш, Михаил Францевич, сколько драгоценного, святого заключал для нас Севастополь в стенах своих, для нас, не имеющих ничего, кроме прошедшего, и потому сколько мы ценили Ваши письма, заключающие в себе множество интересных подробностей о Севастополе. К сожалению, брат не мог дожидаться последнего из них и посылок его сопровождавших. Но мой долг принести Вам искреннюю благодарность за те приятные минуты, которыми Вы подарили меня последней посылкой. Вы своею доброй душою и будучи

душою моряк поняли, чем можно усладить горькие минуты бывших моряков.

Вы спрашиваете, что я сделал с семенами акации?⁸ Вот Вам полный отчет. Некоторые мы посадили в грунт и осенью часть их покрыли соломою для предохранения от жестоких зимних морозов, а часть оставили непокрытою, чтобы увидеть, выдержат ли они наш холод и бесснежье. Несколько семечек мы посадили в горшки и думали нынешнею весною их высадить в грунт. Но мы не знаем, какой грунт необходим для них? И потому Вы нам сделаете всем большое одолжение, если потрудитесь уведомить об этой статье. По несколько семечек я отправил в Нерчинск, в Иркутск и Кяхту. И, наконец, 4 семечка посланы в Барнаул к одной страстной почитательнице крымской природы, где она была, и которая с восторгом вспоминала о крымской акации. Вообразите ее радость и удивление, когда она получит семена ее любимых растений совершенно с другого конца русского мира. О дальнейших результатах я Вас уведомлю впоследствии.

Простите, добрейший друг Михаил Францевич, что объем письма перешел за границы моего желания, с которым я принялся за перо. Я бы не должен был во зло употреблять Вашего снисхождения и отнимать у Вас дорогое время на чтение моего марания. И поэтому спешу кончить, заключив письмо просьбою сестер моих⁹ передать Вам их чувства истинного уважения. О своих чувствах я не хочу писать: им было бы тесно в форменных рамках обычной подписи. Скажу только: дарите хоть иногда строчкою того, кто

весь Ваш Михаил Бестужев

Р. S. Будьте столь добры, уведомите нас о братьях П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и о семействе М. П. Лазарева. Еще я попросил бы Вас сказать что-нибудь об Аполлоне Александровиче Никольском¹⁰. Он был в постоянной переписке с нами, но со времени смерти его жены — как будто канул в воду...

¹ Пометы М. Ф. Рейнеке: «Получено» 9 марта; «Ответ 13 мая».

² Сообщая М. А. Бестужеву о своей деятельности, Рейнеке писал 7 сентября 1855 г.: «Я назначен 30 августа директором Гидрографического депо, председателем Ученого морского комитета и инспектором Корпуса штурманов. Эти три обязанности, при необходимых занятиях по уплате старых долгов в отчетах и обработках съемки Балтики и при моей хворости, для меня очень тяжелы» (ИРЛИ, ф. № 604, ед. хр. 16, л. 139 об.).

³ Речь идет о П. С. Нахимове, В. А. Корнилове и В. И. Истомяне.

Рейнеке был близким другом П. С. Нахимова. 7 сентября 1855 г. он писал М. А. Бестужеву: «С детства моего Павел был лучшим и ближайшим моим товарищем, приятелем и, наконец, другом не по одному холодному светскому званию, а и по искренности чувств взаимной привязанности нашей» (ИРЛИ, ф. № 604, ед. хр. 16, л. 139).

⁴ М. А. Бестужев, служивший в Архангельске с 1819 г. по 22 июня 1821 г., встречался там с П. С. Нахимовым в 1821 г. В марте того же года в Архангельск был командирован и Рейнеке.

⁵ Владимир Алексеевич Корнилов (1806—1854) в 1823 г., выйдя из Морского корпуса, должен был отправиться на шлюпе «Смирный» в Тихий океан, но во время шторма в Северном море шлюп был поврежден и путешествие отменено.

⁶ Михаил Петрович Лазарев (1788—1851) — адмирал; с 1833 г. исполнял должность главного командира Черноморского флота и портов.

⁷ Константин Петрович Торсон (1790—1851) — капитан-лейтенант флота, член Северного общества, осужден по II разряду. Талантливый морской офицер, он проводил опытное перевооружение корабля «Эмгейтен», имевшее большое значение для улучшения русского флота. Однако организатор этой работы был оставлен в тени, а честь преобразования была присвоена морским министром, адмиралом Моллером. О совместном труде Торсона и М. А. Бестужева над выработкой «новых штатов» кораблей см.: Бестужевы, стр. 258—259, 297, 421—423 и др.

⁸ Здесь, как и в следующих письмах, речь идет о семенах крымской акации из сада П. С. Нахимова, полученных М. А. Бестужевым от Рейнеке в 1855 г. Попытка Бестужева вырастить в Забайкалье крымскую акацию интересна не только как своеоб-

разный способ увековечить память севастопольских героев; это был один из опытов акклиматизации в Сибири новых растений, который проводили декабристы.

⁹ Сестры Бестужевы — Елена (1792—1874), Мария (ок. 1795—1889) и Ольга (ок. 1795—1889) — после смерти матери, отпустив на волю 30 душ крепостных, переехали в 1847 г. в Селенгинск, где и оставались до 1858 г.

¹⁰ А. А. Н и к о л ь с к и й — секретарь Ученого комитета Морского министерства.

2

Селенгинск. 1 сентября 1856 г.¹

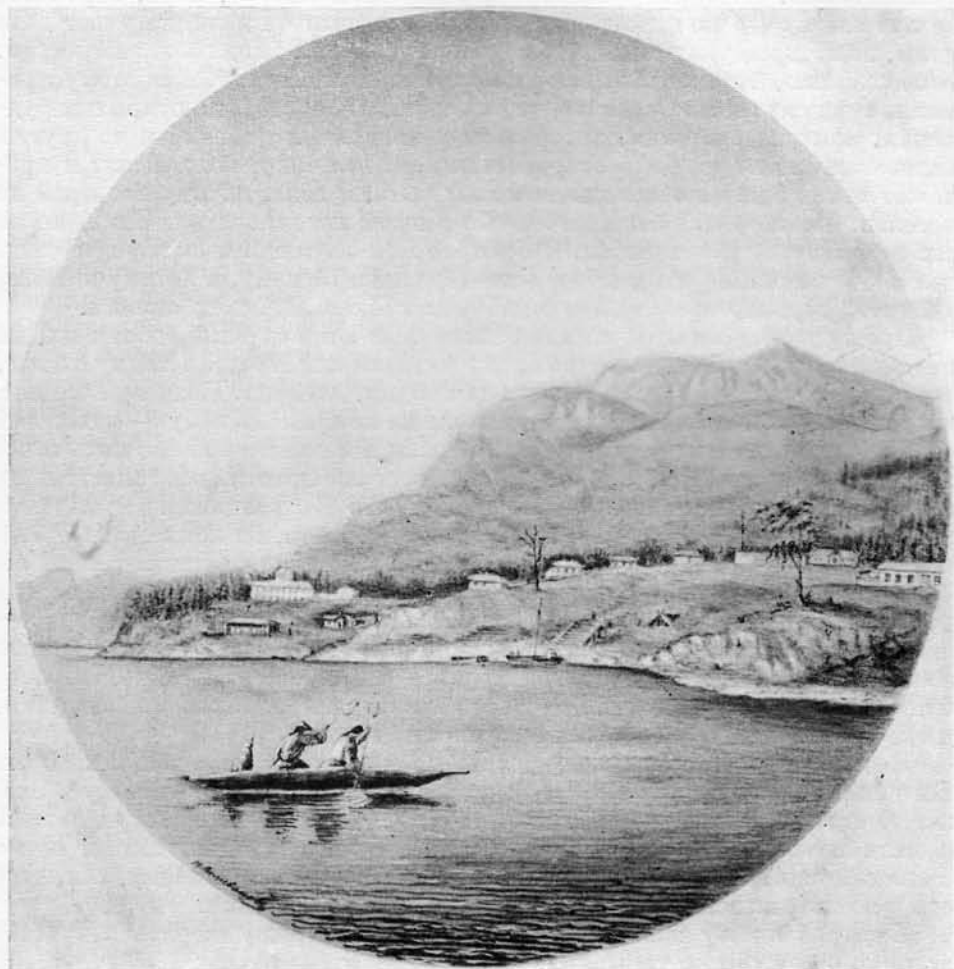
Благодарю Вас, многоуважаемый друг мой, Михаил Францевич, за письмо Ваше от 2 июля. Ваши письма — это цветы, приносимые на могилу усопшего. Ваши беседы и весточки с того, с Вашего света, вдвухают душу и заставляют сердце биться тою жизнью, какою оно билось во время оно, в сообществе друзей, о которых Вы упоминаете. Немного уже их осталось, и Вы справедливо говорите, что в наши лета подобные потери невозвратимы. Неумолимая смерть с каждым взмахом косы теснее и теснее зачерчивает круг нашего морального существования и с каждым взмахом ее косы наше одиночество становится все безотрадней. Зато как дорого должны мы ценить приязнь тех немногих друзей, коих провидение нам оставило для утешения последних дней нашей жизни, и в этом отношении бог не обвинит меня в неблагодарности. Я еще раз благодарю Вас за Ваши письма.

Для нас, похоронивших с собою наше настоящее и будущее, осталось одно прошедшее, чем мы жили и живем. Юность и самую поэтическую часть нашей жизни — молодость мы провели в море. Это — наше прошедшее, и потому Вы можете себе представить, как нам были дороги известия не только об наших однокашниках, но и обо всех моряках — как родных, о флоте — как о родине. Следуя с напряженным вниманием и сердечным участием за осадю Севастополя, для полноты картины нам недоставало подробностей, и Вы, добрейший Михаил Францевич, как истый моряк, сочувствуя нам, удовлетворили наше желание. К сожалению, последнее письмо Ваше и послышка уже не застали в живых брата, а он только об них думал и говорил даже до последних минут своей жизни. Мы уже предугадывали падение Севастополя, тем не менее нам хотелось знать, из каких материалов образовался пепел будущего гнезда черноморского феникса. Да! Из пепла этого славного гнезда, вспрыснутого кровью столько тысяч врагов и соотечичей, должен снова вырасти великий морской город, но орлы или совы будут там гнездиться — вот вопрос, разрешение которого мы узнаем за пределами гроба.

Лазаревы рождаются веками, лучшие его ученики почти все погибли, а уцелевшая кровь севастопольского богатыря перелилась в другие жилы, где может быть заплесневеет от застоя. Вы можете видеть, как для меня интересно современное состояние нашего флота. К сожалению, следить за успехами его не так-то легко заброшенным за семь тысяч верст на край обитаемого мира. Но бога ради, не подумайте, что я говорю в надежде расшевелить Ваше доброе сердце, — с моей стороны это было бы непростительным эгоизмом. Могу ли я требовать подобной жертвы от Вас, принесшего на алтарь отечественного служения молодость и здоровье и теперь посвящающего науке все свои досуги. Я только хочу Вам представить свое положение, очень похожее на положение человека, выброшенного бурей на не обитаемый остров. Кое-когда мелькнет вдали парус, кое-когда пристанет к нему мореходец... Из бесед с ними, запечатленных по большей частью личностью, или отрывчатых известий мы имеем кое-какие понятия, но это далеко не то, чего бы хотелось. Даже официальные сведения до нас доходят не всегда исправно. Например, мы выписываем «Морской сборник»; прошлый год он присылался исправно; третьего года нам только выслали

6 книжек и то в конце года, и нынешний год до сей минуты мы не получили ни одного нумера. О нашем флоте мы более узнаем из иностр<анных> газет, но всегда ли им можно доверять?

Наступает время, когда в наше соседство переселяется частная деятельность русских моряков, когда на устьях Амура возникает, ежели не Севастополь (ему не тут место), по крайней мере, Рига, и когда новый Николаев² (потому что так его имя) закипит торговой деятельностью. Но до

ГОРОД СОФИЙСК НА АМУРЕ

Рисунок Н. П. Поливанова, 1860-е гг.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

того вожделенного времени много утечет воды из Амура, несмотря на то, что этот благословенный край щедро наделен дарами природы; много соковок сокрыто и в недрах земли и рассыпано по ее поверхности, где дуб растет в соседстве дикого винограда и где за солдатскую пуговицу дают по соболю; со всем тем этому заветному краю недостает только безделицы: народонаселения. А откуда его взять? Из Забайкалья? Но и здесь его так мало, что недостает рук, чтобы подбирать разбросанные богом дары. Я уже не говорю о тех дарах, которые скрыты в земле и которые только ожидают,

кому придет охота взять их. В доказательство я Вам приведу один из сотни примеров. Вам уже, вероятно, известно, что недалеко от Иркутска финляндский уроженец Алибер, не говоря нашел, а стал разрабатывать богатое месторождение графита, равного, ежели не выше, достоинством знаменитого брокминского, которого рудники уже совсем иссякли³. У меня в руках есть образцы забайкальского графита из двух мест, достоинством гораздо выше брокминовских. Здесь все только гоняются за золотом и оставляют без внимания то же золото, но только не в таком блестящем костюме. Я видел у одного старика-ламы многие, и то, вероятно, не лучшие из его коллекции минералов, которым он даже не умеет дать цены, но которые указывают, что можно со временем ожидать от этого края. К сожалению, буряты скрывают места их нахождения. Какие этому причины, трудно узнать. Страх ли, что их заставят работать на открытых рудниках, или опасаясь лам, которые из религиозных понятий и из других видов запрещают им быть откровенными. И эти сокровища лежат и пролежат тунно еще многие годы, а может быть, и века, потому что край не населен. Можно было бы много и обо многом потолковать с Вами, но не все то может, чего хочется. И без того моя болтовня вышла за пределы должного внимания к зрению и долготерпению Вашему, а потому я спешу кончить, отработав Вам о состоянии севастопольских акаций.

Прошедшею осенью я посадил пять семечек в горшки, облив их, по наставлению Вашему, кипятком. Из пяти вышли три, но такие тощие, что весною, вскоре после пересадки на грядки, погибли. Тогда же, осенью, я посадил 6 зерен прямо в грунт и даже не покрыл на зиму — и что же? Они выдержали наши 40-градусные морозы и из шести вышло пять и все лето благополучно росли, но лист и цвет совершенно отличен от настоящих акаций и подходит к нашей дикой акации, что Вы увидите из приложенного листочка. Весною я посадил в гряды 20 семян, из коих вышло 17, и все росли лето и теперь все целы. Вышина их полтора аршина. На зиму я их закрою, а на весну рассажу. О участи акации в других местах я еще не получил сведений. По слухам, в Нерчинском — принялась, а в Кяхте — нет, — и не мудрено, потому что местоположение Кяхты — это песчаная яма, в которой летом можно задохнуться от жара; может быть, ей расти будет привольнее на Чикое, на устье речки Кираны, в Чикой вливающейся, и где загородные дома многих кяхтинских купцов.

Позвольте в заключение попросить Вас кланяться всем тем, о которых Вы упоминаете в Вашем письме, и особенно Петру С. Лутковскому⁴. Скажите, что его дружеское расположение ко мне всегда приспосужено моей памяти и что я никогда не забуду нашего последнего свидания. Кисет с его табаком всегда у меня дополняется новым запасом табаку, так, чтоб его всегда развести старым, как делают с рейнвейном.

Еще раз прошу извинить за болтовню и прошу верить в чувства истинной дружбы и уважения.

М. Б е с т у ж е в

Брокман

Алибер

Забайкальский

P. S. Прилагаю пробы разных карандашей и листики акации.

Цветки желтые⁵.

¹ Пометы Рейнеке: «Получено» 20 октября; «Ответ 10 ноября».

² Имеется в виду Николаевск на Амуре, возникший в 1852 г. В 1854 г. он стал военным портом, в 1856 г. — административным центром Приморской области. Это было время быстрого развития города и его торговой деятельности. По замыслу генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, Николаевск должен был стать центром колонизации и торговли, чему должно было способствовать его положение на судоходном Амуре. Однако надежды эти не оправдались, а после присоединения к Рос-

сии правого берега Амура порт перенесен был во Владивосток (1872), а административный центр — в Хабаровск (1880).

³ А л и б е р (1820—1905) в 1848—1858 гг. разрабатывал месторождение графита на Ботогольском кряже, примерно в 400 км к юго-западу от Иркутска, снабжая графитом карандашную фабрику Фабера в Нюрнберге.

«Брокминский» графит — графит, который в первой половине XIX в. добывали в Комберлендском графстве и обрабатывали на фабрике Брокмана (Англия).

⁴ Петр Степанович Л у т к о в с к и й (ок. 1800—1882) — брат Ф. С. Лутковского (1803—1852), привлекавшегося к следствию по делу декабристов. П. С. Лутковский был морским офицером, с 1849 г. — контр-адмиралом. Он поддерживал дружеские отношения с М. А. Бестужевым и А. А. Бестужевым, который посвятил ему рассказ «Страшное гадание» («Московский телеграф», 1831, № 5, стр. 36).

⁵ К письму прикреплен сургучом листик акации и сделана приписка рукой Рейнеке: «Это акация от семян, посланных мною из сада П. С. Нахимова».

3

Селенгинск. 4 февраля 1857 г.¹

Для испытания друзей несчастье есть лучший пробирный камень, который тотчас отличит настоящее золото от поддельного. Эта афоризма невольно пришла мне на мысль, когда я взялся за перо, чтоб ответить на последнее письмо Ваше, добрый, благородный друг, Михаил Францевич! Невольно я пробежал мысленно горизонт моей прошлой жизни, где многие звездочки отрадно сияли лучами дружбы. И что ж теперь? Многие закатились под горизонт на веки веков, многие померкли, еще не закатившись; зато некоторые, прежде невидимые, теперь сияют для меня алмазным блеском звезд первой величины и отрадно греют меня на старости теплым светом дружбы. Примите это за выражение моих задумевных чувств к Вам, за прямые слова старого моряка, который лгать не умеет и особенно, когда он это говорит, может быть, в последний раз; но, может быть, и не в последний, ежели провидение сохранит меня, то все-таки я долго, долго буду лишен удовольствия беседовать с Вами письменно. Вас это удивляет; между тем, это сущая правда. На днях я, оставляя жену и детей, отправляюсь на Амур, а потом в Америку.

Правительство, после горьких опытов, избрало простой и верный путь: отправлять все тяжести, следующие на Амур, *подрядом*. Компания иркутских купцов, приняв на свою ответственность доставку 150 000 пудов тяжести на устье Амура, предложила мне почетный титул адмирала 60-ти больших барж, для препровождения их в Мариинский и Николаевский посты. По сдаче там грузов они поручили мне отправиться в Америку для того, чтоб купить там речной пароход для плаванья по Амуру и еще одно морское судно для плаванья по Тихому океану. В каком из американских городов я могу приобрести покупкою эти суда — я сам не знаю, точно так же, как я не знаю, какою дорогою я возвращусь на родное пепелище: может быть, на пароходе или на купленном корабле кругом мыса Горна, а может быть, через Кронштадт в Селенгинск. В первом случае мне предстоит удовольствие посетить американские, португальские и испанские города Америки со включением Сандвичевых островов и Шанхая; во втором — Англию, Данию и колыбель моего морского поприща — Кронштадт, а проездом — мою родную колыбель, Петербург, где, может быть, я хотя мгновенно обниму тех, которые меня неодолимо влекут к себе, несмотря на расстояние верст и городов².

Этот маршрут очень короток, но заключает в себе длинный, опасный и многотрудный путь. Вы, как человек дела, а не слова, лучше всякого можете угадать, что мне предстоит преодолеть, особенно после 30-летней летаргической смерти. До этой минуты, лишенные возможности быть существенно полезными обществу, мы жили в абстрактном мире. Мы с жадностью следили за каждым шагом в области ума и науки. Мы поглощали с ненасытимой жаждою все, что мир духовный творил, и мы

были умны теоретически! К счастью и, может быть, исключительно к моему счастью, я предугадал, что с подобною системою занятий можно легко сойти с ума. Я начал умственные занятия перемешивать с занятиями более практическими, материальными; я изучил более шести языков; я был попеременно портной, сапожник, перешлетчик, слесарь, кузнец, лудильщик, шорник и ювелир. Брат мой избрал часовое мастерство, и этим только путем мы избегли с ним и помешательства ума и сохранили свое, уже угасающее зрение. Шестнадцать лет, проведенные нами на поселении в Селенгинске, брат мой преследовал свою задушевную идею: упростить до возможности морские хронометры и, следовательно, сделать их доступными самым бедным мореходцам; а я — распространением особенного рода экипажа, мною изобретенного, который, будучи приспособлен к местности, мог бы приносить возможную пользу. Я достиг цели своих намерений: теперь нет ни одной горной тропы, по которой бы самый бедный бурят не ездил на экипаже, который они называют бестужевкой. Этот же экипаж, несколько усовершенствованный, но до крайности простой и дешевый, во всех городах Забайкалья и даже в притязательном на моды Иркутске — в большом употреблении.

Монаршая милость развязала нам руки и ноги; нам возвратили свободу действовать и идти на все четыре ветра, но это легко сказать, да нелегко сделать. Пути, связывавшие нас слишком тридцать лет, глубоко въелись и в тело и в душу нашу. Со всеми нашими теоретическими познаниями по всем отраслям наук мы все-таки недоросли в практической науке жизни. К тому же, когда ожившего человека поднимают из гроба, то дают ему хоть немного поесть, чтоб он снова не умер с голоду, а у нас отняли этой милостью и последний кусок, которым мы питались. Нас сделали снова дворянами, гражданами города, т. е. подвергли всем тягостям городских повинностей и в то же время лишили земель и казенного содержания, единственных средств существования нашего³.

Но полно об этом, для Вас нисколько не интересном предмете. Я об этом упомянул только для того, чтоб Вам объяснить необходимость моей решимости, оставив всё, пуститься в такой дальний и трудный вояж⁴.

А со всем тем, как он ни труден, а сколько заключает в себе прелести, даже прелести новизны, как, например, плавание по Амуру. И то правда, что, для меня, как начальника сплавной флотилии, можно бы пожелать, чтоб эта река была не так нова, а главное — не так капризна и в своем течении и в прибыли воды, но, даст бог, со временем мы и ее разузнаем, да поразведем. Теперь в нашем штабе составляет довольно подробная карта ее течения — разумеется, только еще с отдельных описей; вероятно, она Вам будет сообщена по принадлежности. Николай Николаевич Муравьев⁵ мне обещал подарить один экземпляр, но едва ли успеют кончить к моему отплытию.

В ученом отношении Амур уже почат во многих точках и многими очень дельными молодыми учеными. С большей частью из них я познакомился и, вероятно, еще снова встречу на Амуре. Как досадно, что мое плавание чисто коммерческое, и потому время — как капитал чужой — я не имею права тратить на более подробное изучение этой реки и ее жителей. По рассказам всех, кто там был, это новый мир, даже в ученом отношении. Но все это еще не уйдет от меня. Если мне удастся приобрести хорошенький речной пароход, вероятно, я же останусь его командиром, и тогда мне будет полная свобода для изучения. Теперь же я даю себе неприменный зарок — одно: посадить по всему течению Амура на каждом нашем почлеге по несколько семечек севастопольских акаций и особенно ниже города Сахалин-Улаги⁶, там где Амур, склоняясь к югу, орошает самую благодатную почву винограда, дубов и вязов. К ним присоединю я косточки одной из лучших родов владимирских вишен, и когда, со временем,

механики и по его программам составлял ему разные машины, как-то: пильная машина, чтобы экономически выпиливать корабельные шпангоуты и прочие кривые деревья, экономическое составление корабельных мачт, постройка и конструкция наборных шлюпок, катеров и баркасов, опреснение морской воды в камбузе и т. подобное. Когда мы прочитали разные проекты о предохранении пароводных колес от действия неприя- тельских ядер, то Торсон мне предложил, от безделья, решить этот во- прос. Я тут же при всех слушателях (потому что мы читали все журналы и газеты *вместе*, ради сокращения времени) я тут же сказал: «Для чего, господа, изобретатели привязались к одной идее колес, как будто меха- ника не может ничего выдумать лучше. Почему не выдумать другого дви- гателя, который бы мог быть скрыт в подводной части корабля и, таким образом, естественно, будет предохранен от действия ядер?» «*La critique est aisée, mais l'art est difficile*»*, — заметили мне некоторые, и мое само- любие было загнута за живое. Ночь я продумал и к утру был готов проект нового двигателя.

Я придумал сделать в подводной части корабля, по обе стороны старп- поста, два цилиндрические отверстия, расположенные по направлению киля, в которых должны ходить два глухие поршня, всасывая и выпуская два столба воды попеременно; так что, когда один столб воды выходит из цилиндрического отверстия, и, упираясь в воду, сообщает судну по- ступательное движение, другой столб воды, бросаясь в цилиндр(рическое) отверстие, дает судну то же поступательное движение вперед. Вы это увидите на прилагаемом чертеже**. Этот механизм очень прост; глухие поршни в глухих цилиндрах не требуют тщательного надзора, а поперемен- ное их действие имеет совокупное действие, доставляющее поступатель- ный ход судна вперед; и вместе с сим дают возможность усилить действие руля, когда потребуются быстро уклонить судно в одну сторону. Тогда Вам только стоит удержать один пистон, чтоб другой помогал рулю.

Но полно болтать. Я исписал два листа, и мне все кажется, что я не высказал и сотой части того, о чем я хотел бы поговорить с Вами.

Ежели я буду иметь возможность писать Вам с дороги, то напишу. Если же нет, то ждите моего письма из Селенгинска.

Поклонитесь от меня всем, кто меня еще не забыл, и особенно П. Лутковскому. Наше последнее свидание на заставе Иркутской никогда не забудется мною⁷. У меня цел *кисет*, подаренный им, и я его беру с со- бой на Амур.

Вас уважающий М. Бестужев

¹ Помета Рейнке: «Получ(ено) 7 апреля».

² Из этого плана осуществилась лишь первая его часть: поездка М. А. Бестужева в мае — сентябре 1857 г. по Амуру до Николаевска.

³ М. А. Бестужев имеет в виду 15-десятинные наделы пахотной и сенокосной зем- ли, отведенные декабристам-поселенцам по распоряжению правительства в 1835 г.

⁴ О том, что после амнистии выплата декабристам ежегодных пособий (по 114 р. 28 к.) была прекращена, свидетельствует и Поджио. «Горбачевский, ли- шась пособия, остался на мели без всяких средств», — сообщал он в 1857 г. Вол- конскому (ИРЛИ, ф. № 57, оп. 1, ед. хр. 228, л. 33). Позже некоторым декабристам удалось добиться возобновления пособия, но Бестужев упорно от него отказывался (Бестужевы, стр. 438).

⁵ Николай Николаевич Муравьев (Амурский) (1809—1881) — генерал-губер- натор Восточной Сибири (с 1847 по 1861 г.).

⁶ Сахалин Ула-Хотон — манчжурское название г. Айгун.

⁷ Обстоятельства «последнего свидания на заставе Иркутской» выяснить не уда- лось; очевидно, оно состоялось во время проезда Бестужевых в декабре 1827 г. через Иркутск в читинские казематы. Известно, что П. С. Лутковский с 1823 по 1828 г. был начальником иркутского адмиралтейства. См. о нем также письмо № 2, прим. 4.

* Критиковать легко, творить трудно (франц.).

** Далее в письме нарисован чертеж (см. воспроизведение на стр. 243).